

Правда, мы будем уродами, отрезанными от мира; но благодаря этому мы еще более привяжемся друг к другу¹.

Мэри Уолстонкрафт Шелли,
«Франкенштейн,
или Современный Прометей»

---

¹ Перевод З. Александровой.

НАШУА

ДЖОН

Я бринез Педро на День благодарения и завтра должен вернуть его в школу. «*Бринез*» — такого слова нет. Надо говорить «*принес*». Но мне нравится, как оно звучит, будто ты замерз и звонишь в звонок. *Бррринеззз*. За то, что говоришь внутри себя, никто тебе поджопник не даст, даже собственная мама. Моя сейчас помещивает соус к спагетти на плите и укоризненно качает головой.

— Убери из моей кухни эту крысу, — говорит она.

— Педро не крыса, — возражаю я. — Он — хомяк.

Мама не уступает.

— Кем бы он ни был, в моей кухне ему не место. И я не собираюсь повторять, Джон. Убери отсюда эту тварь. Немедленно.

Она всегда говорит про кухню: *моя* кухня, точно так же, как папа говорит про телевизор: *мой* телевизор, а про кресло — *мое* кресло. Моя единственная территория — спальня. И, наверное, сарай, но он в лесу и, строго говоря, стоит на участке миссис Керри. Все остальное в доме принадлежит родителям.

Выношу Педро на улицу, к качелям, хотя для них я староват. Бедняга дрожит.

— Перестань, малыш. Ты же из Нью-Гэмпшира. Справишься.

По правде говоря, я не знаю, здесь ли родился Педро. Может, он появился на свет на Бермудах, а сюда его привезли морем. А вот моя родина здесь. Я родился в больнице Дерри, возле Нашуа. За три дня до Кэррига Беркуса. Иногда, когда он дает мне леща, я думаю: как же мы оказались в больнице в одно и то же время? Представляю, как мы — два новорожденных — лежим в соседних кроватках. Как наши папы машут нам. В каком-то смысле мы были одинаковые. И, может быть, нас даже нельзя было различить. Сейчас мы — противоположности. Кэрриг — спортсмен. Один из тех парней, у которых куча приятелей. Его жизнь — компании, пиво, девушки. Он отпускает шуточку, и все хохочут. Он знает, как разговаривать с людьми, как им понравится. В прошлом месяце его фотография висела в витрине «Роллинг Джек», спортивного магазина в торговом центре. Кэрриг — СПОРТСМЕН МЕСЯЦА.

А я — никто месяца. Хлоя даже засмеялась, когда я поделился с ней этой мыслью.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Самое худшее, когда пик карьеры приходится на школу.

Хлоя всегда говорит то, что надо, что-то приятное. Вот ее фото в витрине какого-нибудь другого магазина я представить могу. Хотя ей об этом никогда не скажу. Это точно.

Завтра снова в школу, а значит, я снова ее увижу. Хлою-которая-пахнет-как-печенье. Так я называю ее про себя. Каждый раз, когда мама печет печенье — неважно какое, овсяное с изюмом, шоколадное или карамельное, — оно пахнет, как Хлоя. Хлоя-которая-пахнет-как-печенье не смеется надо мной. На ланче она садится со мной за один столик, хотя другие девчонки

подшучивают над ней, а парни говорят, что она зря тратит время на *педика*.

Хлоя терпеть не может это слово. Говорит, что после окончания школы будет жить в Нью-Йорке, где так никто не выражается. Она считает, что у ребят в нашей школе ни ума, ни сердца. Зато Нью-Йорк — это как «Улица Сезам» для взрослых, люди там душевные, и каждый может быть тем, кем хочет. На этой неделе Хлоя ездила туда на День благодарения. Родители возили ее посмотреть парад. Она видела все эти громадные шары, уже сдувшиеся, сморщенные и лежащие на земле.

Всю неделю мы переписывались. Хлоя говорит, что мне бы Нью-Йорк понравился.

Знаешь, он настолько больше Нью-Гэмпшира, хотя на самом деле меньше.

Понимаю, Хлоя. Я бы и сам хотел там побывать.

Конечно, понимаешь. Ты всегда понимаешь!

— Обед! — кричит мама.

«*Увижу тебя завтра*», — торопливо пишу я.

Хлоя посылает мне смайлик. Это наш код — «*И я тебя тоже, Джон*».

По дому плывет запах спагетти и брокколи. Мама спрашивает, оставил ли я Педро на улице, и я говорю, что да, оставил, хотя он у меня в кармане. Папа берет брокколи и ставит в микроволновку.

— Что ты делаешь? — удивляется мама. — Оно же готово.

— Не выношу этот запах, — объясняет папа.

— Запах как запах.

Папа хмыкает. Он плотный и крепкий, работает каменщиком и любит бильярд. Многие считают его странным, потому что у него шотландский акцент.

Тайком опускаю в карман немножко спагетти. Никто бы и не заметил, но Педро кусает меня за палец, и я вскрикиваю, а мама бросает на тарелку вилку.

— Что ж это за школа такая! Чему можно научиться, принося домой крысу? И это в твоём возрасте. Не думаешь, что уже перерос такие глупости?

— Мы шефствуем над одним классом в начальной школе, — говорю я. — Взять его с собой никто из ребят не мог, вот я и согласился.

Вид у родителей печальный, как будто все это время думали, будто Педро здесь по необходимости, а не потому, что я так пожелал.

— Животные есть у многих, — добавляю я. — У Кэррига Беркуса — собака.

Вот зря я про него вспомнил. Родители знают, что мы с Кэрригом Беркусом больше не друзья. В последний раз он приглашал меня на день рождения в четвертом классе, когда люди еще устраивали праздники с приглашениями и когда мама заставляла звать всех детей. Приглашение было как бы от имени Бэтмена, вот я и явился в костюме Человека-паука, а все остальные пришли в обычной одежде. Иногда я переживаю за родителей. Наверное, им было бы лучше с кем-то из тех детей, которые занимаются спортом и приходят в нормальной одежде на дурацкий день рождения.

Смотрю на маму, прямо ей в глаза, как смотрят, когда хотят чего-то.

— Он чистый. Обещаю, он останется в моей комнате.

Мама режет спагетти. Она не наматывает их на вилку, как — это показывают по телевизору — делают в Нью-Йорке. Маму зовут Пенни, она родилась в Нью-Гэмпшире и говорит так, как говорят местные, а выросла на ферме, где животных держали во дворе.

— Комната твоя. Хочешь жить в вонючем свинарнике, чтобы животные пачкали твои вещи, это твое дело. Только не приходи потом ко мне и не проси, чтобы я убирала.

По пути наверх мне удастся стащить из буфета коробку «Орео». Папа рассказывает маме о «Пэтриотс»¹ и Суперкубке, а мама папе — о прекрасной Жизели. Язык у них один и тот же, только разный. То, что вылетает из маминого рта, никак не пересекается с тем, что вылетает из папиного рта. Думаю, у нас с Хлоей получается лучше. То, что говорит Хлоя, всегда складывается с тем, что говорю я.

Наверху я кладу Педро на кровать, подношу к носу печенюшку «Орео» и вдыхаю, но нет, Хлоя пахнет домашним печеньем. Достая сегодняшний номер местной газеты «Телеграф» и перечитываю Педро утренние заголовки. Сегодня воскресенье, и номер самый толстый за всю неделю. Прочитать Педро все я не могу, но стараюсь изо всех сил. Добираемся до раздела «*Стиль жизни*». Думаю, ему нравится.

Я люблю новости. Они не дают забыть, что где-то есть большой мир, в котором живут люди, никогда не слышавшие о Кэрриге Беркусе. Каждый день — новый, каждая газета, каждая история. В кино или книге история только одна, но в газете можно встретить разные — счастливые, печальные, непонятные — насчет ипотеки, страшные — об ограблениях, наркошах, том мальчишке, которого похитили в Дувре.

На прошлое Рождество родители подарили мне подписку на «Телеграф». Ничего другого я не хотел.

¹ «Нью-Ингланд Пэтриотс» (англ. «Патриоты Новой Англии») — базирующаяся в Бостоне, Массачусетс, команда по американскому футболу, за которую болеют во всех шести штатах, входящих в северо-восточный регион Новая Англия, включая Нью-Гэмпшир.

Я сильно переживал, что не получу ее, и даже пал духом, когда, открыв последний подарок, обнаружил коробку со свитером. Но потом сорвал упаковочную бумагу и увидел квитанцию на подписку. Я даже вскрикнул от радости, а мама рассмеялась. Люблю, когда она смеется, а случается это нечасто. Она сказала, что никогда меня не поймет.

— Терпеть не могу газеты. Зачем узнавать обо всех этих ужасах, которые творят люди?

— Хочу знать обо всем, — сказал я.

— Но это же не имеет к тебе никакого отношения, — недоуменно заметила она. — То, о чем там пишут, совершенно тебя не касается.

Папа как раз срывал ярлычок с фуфайки «Пэтриотс».

— Вон та команда тоже не имеет к папе никакого отношения, — сказал я.

Никогда не слышал, чтобы мама так смеялась. Она даже упала на диван, а папа немного разбушевался и принялся доказывать мне, что это не *вон та* команда, а *та самая* команда. Мы ели ветчину, торт и мятное мороженое, и только одно немножко испортило праздник — отсутствие газеты. Она не выходит на Рождество. С другой стороны, следующий день оказался радостнее, чем могло бы быть, потому что утром газета уже лежала в особом ящике, который папа поставил рядом с почтовым. Приятно было видеть, что мир вернулся на свое место.

Когда подходит время ложиться, я сооружаю местечко для Педро. Делаю ему уютную постельку из рекламных листовок. Мама только что с ума не сходит. Но хомячок ничего не пачкает, и на мои простыни никакие какашки не попадают.

— Спокойной ночи, Педро. — Я закрываю глаза. Мне нравится, как он дышит, словно бы с натугой.

На следующее утро мама коротко стучит в дверь.

— Школа!

Она говорит это каждое утро. Педро покакал у себя в постельке, и я собираю какашки на бумагу, спускаюсь и бросаю комок в мусорное ведро на кухне. Мама указывает на ведро лопаточкой.

— Это что там? Какашки?

— Да.

— Тогда вынеси наружу.

— Но там же снег.

— С каких это пор у тебя аллергия на снежинки?

Беру Педро и бумажный комочек, выхожу и смотрю на деревья в конце нашего двора. Мама с папой не знают, что я каждый день трачу вдвое больше времени на дорогу к школе, потому что иду назад, через двор миссис Керри с его колючими кустами, потом прохожу вдоль ее забора и через площадку возле мусорных баков, по двору семейства Шоуни, мимо их качелей и лишь затем спускаюсь по их подъездной дорожке на Карнаби-стрит, где и находится моя школа. Так делают все, кто живет на нашей улице. Но я не могу. Кэрриг, Пингвин и другие парни обязательно побьют меня, если только попробую воспользоваться коротким путем. Отнимут газету, отхлестают или забросают снежками. В теплую погоду они толкают меня или выбивают из рук сумку.

Хлоя-которая-пахнет-как-печенье ездит на автобусе. Она знает про мой обходной путь, которым я хожу из-за Кэррига Беркуса. Она знает все, знает больше, чем мои родители или учителя. Она — единственная, кто знает про мой сарай. Наше убежище.

Тем же путем я возвращаюсь каждый день после школы и приношу с собой сэндвичи с арахисовым маслом и зефирным кремом. Иногда я слышу ее шаги, и мое сердце бьется быстрее. Потом она входит, сбра-

сывает рюкзак и начинает жаловаться. В другие дни она не приходит. Темнеет. Я выхожу онлайн и вижу, что она занята с друзьями. Но те дни, когда она приходит, когда я слышу, как она спешит по лесу ко мне, только те дни в счет.

Хлоя всегда говорит, что мы ладим потому, что мы *всего лишь дети*. Она ненавидит эту фразу. «Как ни поверни, все плохо, — сказала она однажды. — Что-то вроде *Ну что с тебя взять? Ты же просто ребенок*. Или *Ну ты же у нас один такой*». — Она облизала губы и отвернулась. «Мы не просто кто-то там. Мы — *особенные*». И все потому, что я — единственный ребенок. У Кэррига Беркуса четверо братьев и две сестры. Представьте, каково жить со всеми этими детьми. Я так не могу. У нас с Хлоей намного больше общего.

Мама открывает дверь и кричит:

— Завтрак!

У мамы подгоревшая яичница с беконом. Папа читает газету. Добрался до нее первым и теперь передает мне по частям. Я складываю страницы вместе, чтобы газета выглядела как новая, будто ее никто не смотрел. Хорошо во всем этом то, что по большей части папа читает только спортивный раздел.

— Так что в конце года кому-то придется взять Педро, — говорю я.

Мама смотрит на папу, папа надувает щеки, и мама громко вздыхает, а папа смотрит на меня.

— Ты не носишь его в мамину кухню, так?

— Нет! — Мне не терпится попасть в школу и сказать миссис Мерфи, что я хочу оставить Педро. Мне не терпится сказать это Хлое-которая-пахнет-как-печенье. Думаю, девушку можно пригласить, не отпугнув

тем, что у тебя домашний любимец. Думаю, поэтому Кэрриг Беркус держит собаку.

Быстро в школу не попадешь. Продираюсь через кусты, отдуваюсь, как будто убегаю от обидчиков. Бегу со всех ног. Колочка до крови царапает щеку. Я останавливаюсь. Стягиваю перчатку, подношу руку к лицу. На ладони ярко-красное пятно. В кармане ворочается Педро. Вынимаю его и вижу кровь уже на нем. Извиняюсь.

Слышу что-то в кустах, хотя там никогда никого не бывает. Оборачиваюсь. Не вся жизнь мелькает у меня перед глазами, только несколько последних часов, заголовок из сегодняшней газеты — КИБЕРПОНЕДЕЛЬНИК¹: ОНО ТОГО СТОИТ? — и запах вчерашнего брокколи вместе с запахом сегодняшней яичницы, тяжелое дыхание Педро, моя кровь на его шерстке цвета какао с молоком.

Но нет, ко мне приближается не кто-то из моих постоянных обидчиков. Этот тип появился у нас то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году. *Мистер Блэр*. Здесь он никому не понравился. С лысиной на макушке, с телефоном на поясе — люди все время над ним смеялись. Но я не смеялся. Нет.

Он быстро приближается, и тут вдруг оказывается, что я не из тех парней, которые сжимаются пружиной, когда приходит время драться. Я замираю. Задыхаюсь. Так бывает обычно на бейсбольном поле во время перерыва.

Что-то бьет меня сверху по голове. Я падаю на землю, а Педро бежит. Прислать помощь он не может. Он зверек и, как говорит мама, принадлежит иному миру. Я — нет.

¹ Понедельник после «черной пятницы» (начинающей сезон рождественских распродаж) — день пика онлайн-торговли.